

Марат**ВАЛЕЕВ**

г. Красноярск

ЭВЕНКИЙСКИЕ ЗАПИСКИ

ЗДРАВСТВУЙ, ЭВЕНКИЯ!

В 1989 году я, тогда собкор павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья» в Экибастузе, получил приглашение на работу в Туру, столицу Эвенкийского автономного округа (это где упал знаменитый Тунгусский метеорит и течет описанная Вячеславом Шишковым замечательная Нижняя Тунгуска, выведенная им как Угрюм-река в одноименном романе).

Наверное, я бы слукавил, если бы не пояснил, за каким чертом меня понесло в эту прекрасную таежную глушь. А все было элементарно просто. Меня угораздило влюбиться, я разошелся, Светлана ушла от своего мужа, и вот нас всяческими путями пытались растащить и вернуть в прежние семьи. Поэтому мы и решили уехать из Экибастуза куда подальше, где бы нас уже никто из ревнивателей нравственности не достал.

И вот мы в Красноярске. В тот же день (было это 18 июня 1989 года) вылетаем из Черемшанки в Туру. Летим в маленьком Як-40 час, второй, и все это время «под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги». Садимся, выходим на бетонку аэродрома. Холодно, моросит мелкий дождь, а мы одеты очень легко. Верчу головой по сторонам – должны же подъехать за нами автобус. А его все нет и нет. И народ тоже не расходится, все стоят неподалеку от приземлившегося самолета, чего-то ждут.

Вдруг раздается рокот, над нашими головами за-

висает и сваливается на бетонку чумазый вертолет. Все спешат к нему. Светланка с Владиком (ее девятилетний сын) с немой изумлением смотрят на меня, я – на них. Потом хватаем чемоданы и втискиваемся в эту винтокрылую машину, которую так близко мы все трое видим впервые.

Вертолет задрожал и со свистом оторвался от земли. Летим стоя, салон набит битком – людьми, почтой, багажом. Пассажиры чинно беседуют, силясь перекрыть грохот двигателя. Несколько минут полета – и вертолет высаживает нас в Туре уже по-настоящему, в местном порту. А перед этим, оказывается, был междугородний аэропорт «Горный».

Снова изумляемся, впервые увидев деревянное, лубочно раскрашенное четырехэтажное здание странной конфигурации (оказалось, это административное здание Туринского авиапредприятия). Идем к выходу в поселок, увязая в грязи. Нас никто не встречает, хотя телеграмму в редакцию я отбил.

Добираемся пешком. По дороге продолжаем устало удивляться. Бесстыже развалившимся там и тут коробам теплотрасс, бесцеремонности часто встречающихся мокрых грязных собак – они неспешно трусят по тротуару навстречу или валяются на нем и напрочь отказываются уступать дорогу, – обшарпанным домам, безлюдности улиц. Нутром чую – вот она, начинается наша северная жизнь. Глазами со Светланкой стараюсь не встречаться. Завез, что называется...

Первые испытания

Редакция газеты «Советская Эвенкия» размещается в потемневшем от времени деревянном (да в Туре практически все жилье и объекты соцкультбыта деревянные) здании, сумрачном и прохладном, как погреб в летнюю жару. Нас встречают доброжелательно и в то же время со сдержанным достоинством, за которым можно прочесть: «Мы-то здесь давно. Посмотрим, на сколько вас хватит».

Редактор Эдуард Иванов, лысоватый, с простоватым лицом мужчины моих лет, создает впечатление своего парня. Так оно и есть, с ним легко и просто. Нам нужен угол – как-никак целая семья прибыла. Иванов тащит нас к себе – его жена с детьми в отпуске, и он холостякует.

Живем несколько дней у него. В первую же ночь выхожу на улицу по потребности. Время около двух, а на улице светло как днем. Сосед Иванова, насвистывая, красит лодку, по деревянному тротуару осторожно пробирается кошка с ошарашенными глазами.

Кошкам здесь очень несладко. Во-первых, эти истинные ночные хищники никак не возьмут в толк, почему здесь, когда их начинают выпускать на улицу, круглые сутки день; во-вторых, на улице им вовсе не до охоты – в Туре полно бродячих собак, для которых кошка сама становится объектом охоты – тот же соболю с виду.

Иванов договаривается с гостиницей, дает нам на время крохотный и в то же время очень тяжелый (железный, что ли?) редакционный телевизор «Романтик». Переезжаем в двухэтажку у здания аэропорта, занимаем одну из комнат на втором этаже.

Жизнь здесь развеселая. Постоянно пьяные вопли, все время кто-то путает двери, не успеваешь вытаскивать непрошенных гостей; толпами, не обращая на тебя внимания, бродят тараканы, и понимаешь, что истинные хозяева в этом клоповнике – они. Светланка на грани срыва, но держится пока молодцом. Правда, иногда глубоко уходит в себя, в такие минуты ее лучше не трогать. С ней происходит то, что происходит с тепличным цветком, пересаженным из комфортной оранжереи в открытый грунт. Наш союз проходит настоящее испытание на прочность вот этим вот первобытным бытом.

В зарплате мы потеряли оба – у меня как у собора областной газеты вместе с гонорами в

иные месяцы выходило до 400, Светлана в отраслевой многотиражке стабильно получала свои 300. Здесь нас проводят корреспондентами, с районным коэффициентом (северных пока ноль) «зашибаем» на двоих в пределах 500 – вот он, длинный северный рубль. Впрочем, на жизнь нам хватает, да и не за барышами мы сюда, по большому счету, ехали.

Мы начинаем осваиваться. Иванов читает первые подготовленные нами материалы и веселится. Скоро освобождается место заведующего отделом экономики, им становлюсь я. Первая командировка; с фотокором Владимиром Грошевым нас включают в специальную комиссию в составе представителей окружкома партии, окрсельхозуправления, райисполкома, кого-то там еще. Летим на восток, в села Кислокан, Юкту Илимийского района с целью проверить подготовленность хозяйств к зиме.

Везде проводим собрания (господи, и тут собрания – как же мы любим сотрясать воздух!), сопровождающие нас начальники записывают и делают вид, что запоминают высказываемые обиды, предложения, критику. По многолетнему опыту знаю, что почти все останется как было, без движения. Разве что газета потом лишний раз напомнит, что не мешало бы сделать то-то и то-то.

В Юкте совхозная картошка может остаться под снегом. Завсельхозотделом окружкома партии Леонид Царьков, председатель райисполкома Юрий Сидоров матерятся и принимают дельное решение: помочь выкопать картошку. Правильно, пусть одним собранием будет меньше. Нас в группе человек восемь – чуть ли не половина рабочей силы Юкты. Выкапываем, собираем картоху, а руки уже мерзнут, хотя на дворе только-только начался сентябрь. Впереди – наша первая северная зима.

Иванов нашел для нас полуторку (однокомнатная квартира с большой кладовой, которая вполне сходит за вторую комнату) в длинном, сползающем уступами вниз по улице Увачана двухэтажном доме. Его здесь называют кто Корабликом, кто – Китайской стеной. Хозяйка квартиры на какое-то время уезжает в Ванавару и временно согласилась пустить нас (не бесплатно, конечно).

Квартира теплая, и мы зимуем без проблем, хотя морозы просто потрясают воображение: 45-48 – весь декабрь (30-40 за мороз здесь не считается). 53-55 – пару недель в январе, и опять 45 – до марта. Впрочем, переносятся они даже легче, чем североказахстанские 30 с ветром, главное – беречь нос и щеки да быть тепло обутом.

В такие морозы в Туре тишина – мертвая, лишь стоит густой туман да иногда гулко каркнет со столба огромный, величиной с гуся, аспидно-черный ворон. Из птиц только они в такие дни оживают промерзший насквозь пейзаж. Жалко бездомных собак. Они прячутся где-то в теплотрассах, но голод не тетка, и каждое свежесваленное в деревянный мусорный короб (непременный атрибут любого туринского двора) ведро с дымящимися объедками, нечистотами тут же привлекает к себе три-четыре крупно дрожащих псины.

Вытягивая от усилия шеи и царапая стенки мусорок когтями, они вскарабкиваются внутрь обледенелых ящиков и жадно пожирают все, что хотя бы отдаленно похоже на съестное. Вспыхивают короткие ожесточенные схватки, свирепое рычание перемежается почти женским рыданием побежденной более слабой шавки. Она кубарем катится вниз и с поджатым хвостом исчезает в морозной мгле... Вот такая она, северная жизнь...

Продовольственный вопрос

Апомойки в Туре в начале девяностых годов все беднее и беднее. Страна голодает, и дефицит еды проникает и на Север. Хотя с продуктами здесь было всегда получше, чем на материке. Я помню, как то ли в 1963, то ли в 1964 году – в целинном Казахстане! – люди давились в очередях за хлебом, в нашем сельском магазинчике в сутки его отпускали на человека всего по 300 граммов. Когда уже работал в газете, в Железинке, являвшейся центром крупного животноводческого района, имевшей собственный маслозавод, огромные стада овец, крупного рогатого скота, свиней, с продуктами всегда было туго. Скот откармливали и вывозили на мясокомбинаты. Сливочное масло практически все уходило в областной центр, а что оставалось – расходилось по так называемым закрытым учреждениям (больницам, детским садам – ну да это святое дело) да с заднего хода отпускалось блатным.

Особая примета тех лет: высокие глухие заборы вокруг усадеб главных районных, совхозных начальников, с задними калитками и воротами, откуда втихаря завозилась или заносилась – в зависимости от чина и объемов – дефицитная жратва.

Мяса в свободной продаже, так же, как и масла, практически никогда не было. Куда все девалось – оставалось вечной загадкой. Ну не съедали же все, что складывали в закрома родины неутоми-

мые труженики села, советско-партийно-хозяйственные кадры? Даже если жрали в три горла, их, по сравнению с нынешней неимоверно расплодившейся чиновничьей братией, было все же куда меньше.

Так или иначе, рядовой люд питался неизменным минтаем и хеком, субпродуктами, бычьими хвостами и говяжьими головами. В ходу был такой анекдот: «А почему ни у одной головы нет языка?» – «Да чтобы не проболталась, куда девалась туша!» Как-то железинцев порадовали: привезли несколько машин с маленькими, меньше бараньих, тушами сайгаков. Разобрали все мгновенно. Но даже жареной сайгачатина оказалась малосъедобной, пресной и безвкусной. Похоже, бедных животных сюда все же не везли, а гнали пешком – тысячи километров, от самой балхашской полупустыни...

В Экибастузе жизнь до середины восьмидесятых годов была сытной. Это был город шахтеров, энергетиков, со статусом Всесоюзной ударной комсомольской стройки, и снабжался он отменно. Колбасы – какие хочешь, во всяком случае, три-четыре сорта всегда присутствовали; мяса – навалом, кофе растворимый, сгущенка, тушенка... Коммунизм, да и только.

В то же время область голодала, в соседних российских регионах народ варил супы из рыбных консервов. И потому в Экибастузе всегда было полно машин из других казахстанских областей, с российскими номерами: люди приезжали сюда за едой, чтобы затариться впрок. И тогда еще не делили на своих и чужих, отпускали все и всем подряд. А уже ближе к перестройке и в первые годы правления Горбачева даже в Экибастузе стали вводиться ограничения, дефицитом людей отоваривали (слово-то какое появилось тогда! На сленге оно ранее означало «Дать в морду») уже преимущественно через предприятия, учреждения.

В Туре мы обрадовались, когда увидели в гастрономе ряды банок с тушенкой и сгущенкой. Думали, хоть здесь сохранилось изобилие. Фигушки! Оказалось, отоваривают только по спискам...

Мы чуть не погибли...

Жизнь на Крайнем Севере – это каждодневное испытание, это борьба за выживаемость, это никогда не прекращающаяся «экстремалка». И это не громкие слова, а простая констатация действительности. В Туре, как практически во всех любых других населенных пунктах

округа, каждую зиму кто-нибудь замерзает насмерть. Обязательно перемораживаются паратройка домов, учреждений. С небольшими промежутками бушуют пожары, в огне гибнет ветхое жилье, конторы, какие-то производственные объекты, люди.

Холодно в домах, стыло в учреждениях, вот народ и согревается кто как может. После того как вернулась хозяйка занимаемой нами квартиры на Увачана, нам дали однокомнатную квартирешку по улице Школьная (она редакционная и, наконец, освободилась). Единственное достоинство этого жилья – работа в сотне метров. Квартира на первом этаже, для Туры нет ничего хуже, и в этом я убеждаюсь с первыми крепкими морозами. Батареи едва дышат, хотя до котельной – только через теплотрассу перебраться. Когда на улице за 40, вода в ведре на полу замерзает. Да что там в ведре – она и в подвесном умывальнике покрывается коркой льда. Жители регулярно навещают Центральную котельную: проверить, не пьют ли кочегары. То же самое делают рейдовые бригады, милицейские наряды. Кочегары, конечно, пьют. Потерявших сознание увозят, на их место привозят трезвых. Но уголь дрянной, в нем больше породы, и нужную температуру через прогнившие тепловые коммуникации нагнать почти невозможно. И потому все, кто может, ходят с ведрами к угольным кучам у котельных. Хожу и я туда каждый вечер, как шахтер к себе в забой на смену. Как ни придешь, тебя обязательно встречают несколько стоящих в согбенной позе жителей окрестных домов, с матерками набивающих ведра, мешки углем, который надо тут же, по ходу очистить от кусков породы. Кочегары, время от времени выкатывающие из котельной тачки с дымящейся золой, косятся на нас – после каждого такого набега куча уменьшается, становится менее качественной, – но молчат. Да и что тут скажешь?

Прежде чем улечься спать, я вытапливаю в печке до шести ведер угля (они превращаются в четыре ведра золы – вот такое качество привозного угля. Абсурдно, но на территории Эвенкии при этом находится крупнейший в стране и совершенно еще нетронутый угольный бассейн – Тунгусбасс). В метре и выше от пола почти жарко, а ногам по-прежнему холодно, квартирка, в которой мы живем, тепла совершенно не держит. Я прикрываю печную выюшку, чтобы тепло не так быстро покинуло наше жилище. Утром встаем в уже напроць выставшей квартире. Но топить некогда, теперь уже до вечера.

Однажды утром с неимоверным трудом просы-

паюсь от жалобного стона Светланки. Голова раскалывается, перед глазами все плывет. Жена, не открывая глаз, все время повторяет одно и то же:

– Марат, дай лекарство, у меня голова сильно болит!

На ватных ногах, пересиливая приступ тошноты, добираюсь до окна и выбиваю стекло в законопаченной двойной форточке. Оживаю с каждым глотком морозного воздуха, бегу к соседям вызвать по телефону скорую помощь: мы явно угорели. Светланка лежит с лицом белым как полотно, ее рвет. Приехавшая фельдшерница выслушивает мой сбивчивый рассказ и делает Светланке какой-то укол. Медичка внешне спокойна, но глаза испуганные. Она, как и я, понимает, что мы чудом избежали гибели. Скорая уезжает, я ставлю на стул у постели жены чашку горячего чая с лимоном, но она заснула. Я ухожу на кухню, закуриваю и кашляю, кашляю, сдерживая сухие рыдания. Господи, я ведь чуть не убил нас обоих (Владика после первой же зимы от греха подальше отвезли к его бабушке в Кызыл-Орду)! Лишь потом выяснилось, что я, после того как протопил на ночь печь, сделал все правильно. Это Светка посчитала, что я неглубоко толкнул печную задвижку, ей было жаль уходящего тепла, и она подтолкнула задвижку еще немного. Спать-то было тепло, но мы ведь могли и не проснуться...

...и о тех, кто погиб

Я продолжаю учебу в университете, пишу вечерами контрольные, курсовые, зубрю марксистско-ленинскую философию (будь она неладна – совершенно не поддается осмыслению и заучиванию). И каждый год в марте улетаю на сорок дней в Алма-Ату на экзаменационную сессию. У нас еще тридцатиградусные морозы, а в Алма-Ате все зелено, зацветают яблони и вишни, теплынь. Учеба мне дается, в принципе, легко, дни летят за днями. С сокурсниками начинал казахстанцем, продолжаю россиянином, жителем Крайнего Севера. Всем крайне интересно, что такое Эвенкия, где она, что за люди там живут. Признаться, рассказчик я неважный. А тут слушают, с любопытством шуршат страницами привезенных мной экземпляров настоящей северной газеты, где чуть ли не в каждом номере запросто пишется об охоте на соболя, об оленеводах и геологах, на снимках – сцены из таежной жизни с чумами, оленями. Этот колорит, романтика всех завораживают, и я предпочитаю не распространяться, что на самом деле за этим стоит. Но вот

все зачеты, экзамены сданы, в зачетной книжке – заветная запись о переводе на следующий курс. В Алма-Ате совсем жарко, когда я занимаю место в отлетающем на Красноярск Ту-154 студентом уже четвертого курса КазГУ. В красноярском местном аэропорту Черемшанка, как всегда, полно народа, билетов на Туру нет. Не помню ни одного случая, чтобы вернулся домой с сессии, вообще откуда-либо, через эту чертову Черемшанку без того, чтобы не провести здесь несколько дней – или погоды нет, или билетов. А в самолете затем обязательно обнаруживаются несколько пустых мест. Это челноки скупают места для своего товара. И никому дела нет, что ты всей душой рвешься домой – истомился за полтора месяца. С тех пор я не люблю Черемшанку. Впрочем, в Емельяново не лучше – и этот, теперь уже международный аэропорт, так же нередко мордует звереющих от долгого ожидания вылета домой северян.

Но вот я, счастливый, спешу по грязным раскисшим улицам Туры – уже май, и здесь тоже весна, – домой. По дороге встречаю нашего корректора Елену Лелис. На минутку останавливаюсь, чтобы поздороваться, узнать последние новости. И как обухом по голове: нашего редактора Эдуарда Иванова уже нет в живых. Светланка при последнем телефонном разговоре со мной утаила горькую весть – побоялась, что это помещает мне сдать последний экзамен. Спрашиваю, что да как? Повесился у себя дома в ночь на первое мая 1991 года, на детской скакалке. Ну не было у него видимых причин для самоубийства, нельзя же домашние ссоры, неурядицы отнести к таковым. А вот, пожалуйста, в сорок лет поставил точку в своей жизни. На могиле ему поставили стилизованный памятник – симбиоз пера и гитары. Они в его жизни были неразделимы, журналист, редактор Эдуард Иванов любил петь под гитару. Он вообще много чего любил, и особенно рыбалку на хариуса в верховьях Тембенчи. Так любить жизнь и добровольно уйти из нее – не понимаю. Но и не осуждаю – это уже не в нашей компетенции.

Увы, но это не последняя наша потеря. Через полгода, не дожив даже до северной пенсии, неожиданно умирает Ю. А. Шебалин. Его нашли ничком лежащим в теплице – прихватило сердце. Оно у него и так было не железным. А тут грянул августовский путч. Шебалин, обладая в это время правом подписи газеты, открыто высказался в поддержку гкачепистов в редакционном, то есть неподписанном материале, таким образом, вольно или неволь-

но выдав свое собственное мнение за позицию всей редакции. Разразился скандал, и.о. редактора Наталью Свиридову, вернувшуюся к тому времени то ли из отпуска, то ли из командировки, потащили на расправу в администрацию округа, в крайуприздат. Дело завершается тем, что Шебалина понижают в должности до заведующего отделом. Сказать, что Юрий Александрович переживал – значит, ничего не сказать...

Хороним Юрия Александровича недалеко от Иванова, обязательно навещаем их как в родительский день, так и в годовщину смерти, они еще долго как бы остаются членами редакционного коллектива и будут оставаться, пока мы их помним. А теперь надо еще навещать и Володю Полунина, директора типографии, добродушного, никогда не унывающего толстяка. Неподалеку от Ванавары на берег таежной речки Чамбы падает пассажирский Як-40. Гибнут все пассажиры и члены экипажа – всего около тридцати человек. И среди них жена Полунина. После похорон Любаши (так ласково он называл свою жену) Полунин какое-то время еще крепился. А потом сорвался... Нашли его дома в петле, стоящим на коленках. Хоронили на новом кладбище – Тура за семьдесят с небольшим лет своего существования, с максимальным количеством населения в семь тысяч человек, заполнила уже два погоста в поселковой черте, интенсивно «обживает» третье, в тайге. Средний возраст лежащих там мужчин – 40-45 лет...

Выборная эпопея

Наш огромный по площади округ (767, 7 тыс. кв. км – спокойно можно разместить целый ряд европейских государств, хотя вряд ли они согласятся) настолько мал по численности населения как субъект Федерации – нет даже 20 тысяч человек – что здесь, кажется, все знают друг друга. С Александром Боковиковым я познакомился, когда его после директорства в совхозе «Кислоканский» назначили начальником управления сельского хозяйства. Несколько раз брал у него интервью. Круглолицый, улыбчивый, дружелюбный, весь такой свойский из себя.

Он вырос здесь, в Эвенкии, завзятый охотник и рыбак, имеет даже свой промысловый участок в тайге (впрочем, это обычное явление – тайги здесь море, почти по сорок квадратных километров на брата). Сноровистый, с деловой хваткой, при этом – человек широкой души, очень демократичный. Охотно идет на контакт с журналиста-

ми, никогда не откажется от предоставления нужной для местных газеты и телевидения информации. Когда страна азартно кинулась осваивать рынок, образовал одно из первых в округе коммерческих предприятий «Контакт» по закупке у промысловиков пушнины, взамен поставляя снаряжение, продукты, товары, открыл сеть магазинов. Дела его пошли в гору, рос и авторитет среди местного населения – удачливым ведь не только завидуют, их еще и любят.

Главой администрации округа тогда был Анатолий Михайлович Якимов, бывший начальник Эвенкийской геофизической экспедиции. Полная противоположность Боковикову: худой, немногословный, интеллигентный, без коммерческой жилки, он также был уважаем эвенкийцами – как, видимо, последний из представителей такого разряда руководителей, еще советской, в лучшем смысле этого слова, подготовки.

Когда округ стал самостоятельным, а дела в стране шли все хуже и хуже, на Эвенкию, почти полностью дотируемую из федерального бюджета, беды посыпались одна за другой. Объемы финансирования все сокращались, задержки выплаты зарплаты бюджетникам становились все длительней, с огромным трудом налаженное за десятилетия сельское хозяйство рушилось на глазах, одна за другой сворачивались геологические экспедиции, росла безработица. Эвенкия начала бедствовать, и это при том, что в ее подземных кладовых было столько сокровищ – нефти, газа, угля, редких металлов, золота, алмазов – что куда там Али-Бабе с его несчастной пещерой! Но месторождения были еще не до конца разведаны и расположены в таких неудобных и отдаленных местах, что освоение их выливалось в астрономические суммы. Никто не решался влезть в это дорогостоящее предприятие – ни родное государство, ни крупные забугорные компании, представители которых время от времени наезжали в Эвенкию, приценивались, восхищенно мотали головами, но тут же сокрушенно выставляли перед собой холеные ладони: дорого!

В Москву «выбивать» деньги, или трансферты, представители администрации Эвенкии ездили целыми бригадами, потерянно бродили по многочисленным правительственным и министерским коридорам, трясли пачками отчетов, расчетов, проектов, доказывая необходимость увеличения финансирования северной территории. Но дать больше нам попросту означало недодать какой-то другой территории. Денег же в стране становилось все меньше...

А тут еще в Туре в самом начале лета сгорела центральная дизельная электростанция, и столица Эвенкии на несколько месяцев осталась без света. Черт знает где закупили какие-то дорожные военные мобильные электростанции, караваном (так здесь называют навигацию) привезли в Туру. А они по каким-то параметрам не подошли, и поселок продолжал сидеть без света. Народ обозлился на власть, и в первую очередь, конечно, на главу администрации Якимова. С огромным трудом к осени энергетический кризис был преодолен, но доверие к Якимову было уже подорвано.

Вот с таким багажом он пошел на выборы главы Эвенкии в 1996 году (впервые после назначения в 1992 году). Основным его соперником стал Александр Александрович (попросту – Сан Саныч) Боковиков, к тому времени уже умудрившийся сначала пройти в депутаты окружного законодательного Суглана (Собрания), а затем и возглавить его. Реальным соперником, поскольку, во-первых, авторитет его к тому времени среди населения был ничуть не ниже, чем у Якимова, во-вторых, он сплотил под своими «знаменами» многих недовольных работой администрации Якимова влиятельных людей. Нашлись у него и деньги на выборную кампанию, и когда агитация была официально разрешена, он завалил округ литературой, плакатами, эвенкийские фактории – гуманитарной помощью «имени Сан Саныча».

В общем, впервые за свою историю округ раскололся надвое – якимовцев и боковиковцев. Люди спорили между собой до хрипоты – чей кандидат лучше, доходило до драк. Один из замов начальника УВД Эвенкии во время какой-то пирушки в кафе вытащил пистолет и выстрелил в потолок (или в пол – не суть важно), крича, что вот так он всех перестреляет, кто не проголосует за Боковикова. Мы тут же использовали и этот факт против своего оппонента. К выборам обстановка в округе накалилась до предела. Проводимые опросы показывали, что силы кандидатов примерно равны. Но выборы с небольшим перевесом выиграл... Боковиков.

Светопреставление

Наступил 1999 год. У Александра Александровича Боковикова, к тому времени ставшего в законодательном порядке уже губернатором Эвенкии (для повышения статуса и значимости должности главы субъекта Федерации), начались серьезные проблемы. У администрации не было

денег на решение взятых на себя обязательств. Собственных доходов – кот заплакал (да и откуда им было взяться), а Москва сама бедствовала, соответственно, и давала трансферты дотационным территориям «по бедности». Округу на жизнь в год надо было в пределах 2,5 миллиарда рублей, получали же что-то в пределах миллиарда. Но и эти деньги давали обычно с большим опозданием, и их ни на что не хватало. Для нормальной жизнедеятельности округа главным было – закупить в необходимом количестве уголь, солярку и масло, бензин, сырую нефть для дизельных электростанций и завезти все это добро по воде в весенне-летнюю навигацию для того, чтобы перезимовать в тепле и со светом.

У Боковикова, как он ни изворачивался, денег не хватило ни на закупку горючего и топлива в нужных объемах, ни на своевременную их доставку в округ. Вернее будет сказать – в Туру, наиболее зависимую, по сравнению с Ванаварой и Байкитом, от водной навигации. Того, что было припасено на зиму, катастрофически не хватало до прихода очередного каравана.

И буквально в ночь с 31 декабря 1999 года на 1 января 2000 года Тура погрузилась во тьму: в целях экономии солярки было решено до весны прекратить подачу света в жилые массивы столицы Эвенкии, резко ограничить – для учреждений и организаций. В том числе и для администрации округа. Я, к тому времени ставший редактором окружной газеты, брал интервью у губернатора самостоятельного субъекта Российской Федерации, члена Совета Федерации Боковикова в его кабинете при свете... керосиновой лампы, при избытке света этой же копилки по сумрачным углам у него проводились и планерки.

Котельные также работали в режиме экономии, из-за чего температура в коммуникациях была ниже требуемой, и в ту зиму в Туре были разможены несколько зданий, в том числе и жилье. Некоторые туринцы перешли жить в собственные бани, в свои рабочие кабинеты, в котельные. У нас в редакции поселилась семья бывшего директора типографии Феликса Буйновского (их двухэтажный многоквартирный дом сгорел – пожары в ту зиму были частыми из-за неосторожного обращения людей с огнем), они же были и сторожами. Я написал фельетон на эту тему «На работе как дома», хотя газета с ним вышла, по-моему, лишь через пару недель, когда удалось выловить запившего в очередной раз печатника и поставить его к машине.

Обедали мы на работе – супы забирали с собой

утром из дома, разогревали в кабинете на плитке. Как никогда поднялся спрос на дрова, цена на них тут же резко подскочила, но, несмотря на это, кучи дров выросли во всех дворах. Их разворовывали все кому не лень. Купили полмашины дров и мы со Светкой. Я их колол, жена носила в дом и складывала в поленницу... в прихожей (благо она у нас огромная). Пример подала соседка, Аня Саливончик. Ей надоело наблюдать, как ее поленница день ото дня «худеет», и она перенесла все поленья до одного в дом.

В красноярских газетах, программах краевого телевидения одна за другой стали появляться злорадные и во многом путанные, лживые публикации (делались туманные намеки на криминальную подоплеку всей этой истории: «А куда девались деньги на северный завоз?»). Боковиков судорожно метался в поисках выхода из этой чудовищной ситуации. Здорово помогли якуты – Сан Саныч договорился с Вячеславом Штыровым, хозяином всесильной алмазной компании «Алроса», на товарный кредит, и солярку в Туру стали возить авиацией из Мирного, что довело многие российские и краевые газеты до истерики. А губернатор Красноярского края Лебедь молчал – он уже тогда задумал вернуть Эвенкию обратно в лоно края и ждал, когда Боковиков сам к нему обратится за помощью, чтобы потом сказать: «Вот видите, они без нас ничего не могут». Боковиков к нему и не шел. Потом к спасению Эвенкии подключился и министр по делам ГО и ЧС Сергей Шойгу (почему-то все СМИ края и страны трубили о том, что вымерзает и голодает именно весь округ, хотя острый дефицит топлива был только в Туре).

Как-то ближе к весне у нас в квартире неожиданно загорелся свет. Господи, неужели конец нашим мукам? Хотя я и знал, что этого не должно быть до прихода первых судов с горючим, но затеплилась надежда: может быть, произошло какое-то чудо и солярки навозили по зимникам и авиацией столько, что теперь ее хватает? Или энергетики по каким-то стратегическим соображениям решили давать свет в наш микрорайон? На всякий случай позвонил на центральную ДЭС и поинтересовался: «Мужики, у меня дома свет загорелся, это как, насовсем или временно?» «По какому адресу?» – насторожились на том конце провода. Я добросовестно ответил. «Ошибочка произошла. Сейчас исправим», – сказали мне. И через несколько минут свет в нашем доме погас. До июня. «Зачем ты им позвонил? – заплакала измученная этой беспробудной жизнью Светлана»

ка. – Пусть бы горел, я бы хоть нормально постиралась!»

Бедному Боковикову в эти дни должно было икаться со страшной силой. Ладно, что его ругали газеты – он, да и мы все в округе к этому уже привыкли. К тому времени в Красноярске образовалась мощная оппозиционная группа, поставившая перед собой цель «сковырнуть» Боковикова.

Для Сан Саныча куда страшнее было, что в нем разочаровались его земляки. И как ни пыталась пресс-служба разъяснить населению, что энергетический кризис возник по объективным причинам, недовольство людей росло.

Да это и понятно: ты шел во власть, чтобы обеспечить людям нормальную жизнь, а коль ее нет, то виноват во всем только ты, поскольку ты – власть. И хотя Боковиков и его семья первое время также сидели без света (это уже к концу зимы 1999–2000 годов к его дому открыто протянули «аварийку» – отдельный электрокабель, а до него тайно пробросили к себе эти «аварийки» многие ушлые туринцы), на заборах в Туре стали появляться оскорбительные для Боковикова надписи. Его отлавливали на улицах, в магазинах, в порту и высказывали в лицо все, что о нем думали: кто – интеллигентно, а кто и по-свойски. Дошло до оскорбления его дочерей в школе, а дом его однажды «атаковали»: во двор к Боковиковым, пробив забор, въехал тяжелый грузовик. Правда, дело это замяли, квалифицировав как обычное дорожное происшествие: мол, пьяный водитель просто не справился с управлением.

Скажи мне, кто твой враг?

Но вернемся к основной теме нашего рассказа. Кончилась, наконец, и эта чудовищная зима 1999–2000 гг. В начале июня победно затрубили подошедшие к причалам окружного центра первые танкеры с соляжкой, и в квартирах туринцев наконец загорелся свет, заурчали холодильники, забормотали телевизоры.

Жизнь как будто пошла своим чередом. На самом деле это означало, что ситуация в округе оставалась прежней: денег ни на что не хватало. А впереди была следующая зима, и опять надо было закупать и завозить уголь, солярку, бензин, масла. Трансферты по-прежнему приходили с большим опозданием. И совсем не в том объеме, какие нужны были для обеспечения нормальной жизни. Оставались проблемы с выплатой зарплаты, опять округ не мог вовремя рассчитаться за покупку и вывоз нефтепродуктов. Красноярское речное па-

роходство приступило к навигации в Эвенкии, еще не до конца получив заработанные средства за прошлый завоз. Когда суда уже были на подходе к Нижней Тунгуске, начальник пароходства Иван Булава останавливал флот и периодически угрожал Боковикову, что повернет нефтеналивы обратно, если округ не расплатится.

В Эвенкию зачастили «сборные» комиссии, в которую входили чиновники Министерства финансов, института полномочного представителя президента в Красноярском крае, Эвенкии и Таймыре, чины из МЧС, пароходства, администрации Красноярского края. Обычно комиссии эти сопровождали целые бригады наших коллег из московских, краевых газет, телевидения, после отъезда которых на свет появлялись репортажи, комментарии явно заказного характера – Боковикова продолжали «топить». И было это несложно.

В округ снова было завезено недостаточно топлива, и ближе к весне 2001 года в Туре снова пошли веерные отключения. Туринцы, наученные горьким опытом прошлой зимы, к этой подошли во всеоружии: все с дровами, лампами, какими-то керогазами, газовыми печками. Я купил аккумуляторы к маленькому кухонному телевизору, раздобыл самодельное зарядное устройство, и когда гас свет (обычно через каждые несколько часов – на пару часов), их энергии хватало, чтобы посмотреть выпуски новостей и даже часть какого-нибудь фильма.

А сосед снизу где-то раздобыл громоздкую левую дизельную электростанцию (в Туре же кое у кого появились даже миниатюрные импортные – японские, американские бензиновые движки) и запихал ее в контейнер, стоящий буквально под окнами дома. И как только гас свет, Олег выходил на улицу, с грохотом открывал контейнер, и, светя себе фонариком, с полчаса возился в нем, гремя ключами и шипя паяльной лампой. Наконец движок благодарно чихал и начинал громко тахтеть и вонять на всю округу отработанной соляжкой. Зато семья Олега час-полтора сидела со своим светом, пока в дом не возвращалась большая электроэнергия.

«Эвенкийская жизнь» в те дни, когда регулярно ломавшуюся офсетную печатную машину отечественного производства удавалось вновь запустить, из номера в номер рассказывала, сколько подвезли нефти и солярки из Байкита и Ванавары, Усть-Кута по автозимникам (все это буквально с колес сжигалось на дизельных электростанциях, в топках котельных), какой запас ГСМ еще есть на нефтебазе и хватит ли его до ве-

сенного каравана, ругалась по поводу того, что энергетики никак не борются с ловкачами, крадущими электроэнергию путем несанкционированного подключения так называемых «авариек» к магистральным сетям (еще бы они боролись – многие энергетики сами воровали ток таким образом, существовала даже негласная такса на проброску кабелей от линий электропередачи к отдельным квартирам или частным домам).

И тут пришел ЮКОС

Сан Санычу, как и его предшественнику, весьма озабоченному поисками инвесторов, удалось заинтересовать богатейшей и перспективнейшей группой нефтяных месторождений, известных под названием Юрубчено-Тохомская зона (ЮТЗ), нефтяную компанию ЮКОС, находившуюся в то время в расцвете своих сил и возможностей. Основные работы ЮКОС вел в Западной Сибири, но, как утверждали аналитики в области нефтяной промышленности, за десятилетия эксплуатации тамошние запасы нефти сильно истощились. А поскольку ресурсы эти невозобновляемые, то компании, естественно, надо было приращивать запасы углеводородов. И владелец ЮКОСа Михаил Ходорковский (признан иноагентом в РФ) обратил свой молодой и цепкий взор на Эвенкию. Я бы на его месте сделал то же самое. Эвенкия была самостоятельным субъектом Федерации, населения в ней – кот наплакал, меньше 20 тысяч, полезных ископаемых в недрах – каких хочешь: нефть, уголь, газ, рассолы тяжелых металлов, предполагаемые алмазные кимберлитовые трубки, редкоземельные металлы. И все это в таежной глуши, при полном отсутствии инфраструктуры, куда обнищавшее государство не сунется еще не один десяток лет. Чем не стратегический резерв, причем измеряемый астрономическими цифрами: если речь о газе – то миллиарды кубических метров, если о нефти – то миллионы тонн. И ЮКОС решил «посадить» сюда своего губернатора.

На эту ответственную роль выдвинули одного из ведущих топ-менеджеров компании харизматичного Бориса Золотарева. Умный, фотогеничный, спортивного телосложения, с красивой сединой, он сразу «глянулся» многим эвенкийцам, особенно, конечно, женщинам.

В округ Золотарев приехал за несколько месяцев до начала выборной кампании, еще в начале зимы, сколотил свой штаб, обосновавшийся в двухэтажном здании напротив редакции.

Боковиков, имевший неплохие шансы вновь стать губернатором (несмотря на все вышесказанное) по той простой причине, что многие эвенкийцы не хотели пускать к себе «варягов», а Сан Саныч был свой и ему многое прощалось, вдруг открыто заявил, что сходит с выборной дистанции и просит свой электорат голосовать за Бориса Золотарева.

Свое решение он объяснял тем, что государство не в состоянии содержать свои северные окраины, в том числе, если не в первую очередь, Эвенкию, не имеющую собственную доходную базу. И ситуация, сходная с зимой 1999–2000 годов, может повториться еще не раз. А ЮКОС заинтересован в Эвенкии и намерен всерьез обособиться здесь, и потому будет оказывать всяческое содействие своему ставленнику, то бишь Золотареву. Боковиков вызывал к себе руководителей предприятий и организаций по одному и просил понять и поддержать его решение. Разговаривал он на эту тему и со мной.

Мы все понимали, что иного выхода у нас действительно нет – у округа просто нет будущего без развития экономической базы, а ЮКОС сможет это сделать. Конечно же, все мы понимали и то, что Сан Саныч уступает свое место Золотареву не бесплатно, наверняка ЮКОС дал ему хорошего отступного. Но, положила руку на сердце, кто бы в этой ситуации поступил иначе?

ЮКОС был самым настоящим государством в государстве, у него была своя столица, он строил города, на него работали сотни тысяч людей, обеспечивая компании многомиллиардные доходы. Так, может, он и нас «поднимет»?

В округ приехал сам Ходорковский (признан иноагентом в РФ). Молодой, симпатичный, очень демократично ведущий себя, он на встречах с жителями округа буквально очаровывал их, рисуя в своих выступлениях точными мазками недалекого будущее Эвенкии: в 2008 году будет добыто столько-то нефти, в окружной бюджет попадет столько-то сотен тысяч долларов, в 2014-м – нефти будет уже столько, а счет доходам пойдет на миллионы долларов. Разумеется, и ЮКОСу от этого будет хорошо, а иначе какой смысл браться за доразведку и эксплуатацию наших труднодоступных месторождений.

Михаил Борисович, стоя на сцене окружного Дома культуры в потертых джинсах и изредка поматывая головой в такт своим словам (есть у него такая особенность), водил лазерной указкой по экрану, проецирующему все эти цифры, диаграммы, а у слушателей перед глазами вста-

вали новые дома, дворцы спорта, заасфальтированные улицы Туры... Каждый уже считал себя акционером ЮКОСа. Мы поверили, что компании, имеющей козырный интерес в округе, ничего не стоит осчастливить несчастные два десятка тысяч человек.

Ближе к весне мы получили и установили ризограф в бывшем лентитипном цехе, и когда офсетная машина в очередной раз выходила из строя или «ломался» сам печатник, стали выпускать газету форматом А4 на восьми полосах. И не могли нарадоваться. Рядом, в соседнем помещении, молча стояла холодная капризная машина весом в несколько тонн, скрепленная многими сотнями болтов, гаек, валов и валиков, в которую было вбухано несметное количество денег, но так и не оправдавшая наших надежд и проевшая мне всю плешь, и вот эта покрытая пластиком малютка весом всего в центнер, управляемая тремя-четырьмя кнопками, но безотказная, печатающая с прекрасным качеством, на любой задаваемой скорости – они как бы олицетворяли собой уходящую и наступающую эпохи.

Ризографу можно было дать задание – скажем, напечатать 1238 экземпляров, и можно было смело идти заниматься каким-то другим делом, машина дальше трудилась сама. Мы купили этот множительный аппарат без всяких «наворотов», а если бы еще обзавелись и различными приставками, то шла бы еще и автоматическая фальцовка, брошюровка. Можно было прикупить дополнительные барабаны и печатать газету в два, в три цвета. Но мы поскромничали, когда просили денег на эту умную машину. Впрочем, в наших условиях больше ничего и не надо было. На печатание газеты – тираж ее к тому времени был установлен в пределах 2000 экземпляров, уходило не более часа. Все остальное время можно было выполнять иные заказы – с ресурсом ризографа в 8 миллионов экземпляров округ можно было завалить печатной продукцией вдоль и поперек. И заказы пошли, на самые разные бланки. Правда, тиражи были совсем маленькие: 50, 100, 500 экземпляров, редко когда по 1000-2000. Но доходы они, тем не менее, приносили. На них мы купили факс, ксерокс, радиотелефон с несколькими трубками, позже – цифровой диктофон и фотоаппарат, в кассе у нас теперь всегда водилась наличность, и не надо было писать заявки в управление финансов, чтобы покупать ручки, блокноты, скрепки, клей, конверты, прочую канцелярскую мелочь. Ах, если бы этот ризограф был рассчитан на формат А2, который затем фальцевал-

ся (перегибался пополам после печати), ему бы вовсе цены не было. А так именно это обстоятельство скоро положило конец нашей эйфории. И не только это.

Такого мы еще не видали...

Борис Золотарев эти выборы выиграл. Состоялась пышная инаугурация, после нее – фуршет, на который были приглашены те, кто помог (или, во всяком случае, не мешал) Золотареву стать губернатором. В большом зале для совещаний на втором этаже администрации округа в два длинных ряда были накрыты столы, ломящиеся от различных яств и бутылок со спиртным на любой выбор. За ними стояли десятки людей, и так, стоя, выпивали и закусывали – дело совсем новое для Эвенкии, мы-то привыкли пьянствовать сидя. Деликатесы подносили и меняли пустые тарелки молоденькие длинноногие официантки – за столами почтительным шепотом говорили, что их, как и невиданные закуски, специально привезли из Москвы («Что вы хотите: это же ЮКОС!»).

Еще один ряд столов был накрыт на возвышении для президиума, где толкалась группа высоких гостей и уже приближенных к новому губернатору местных чиновников. Были там представители аппарата полномочного представителя президента, администрации и Законодательного собрания Красноярского края, ведущих ресурсодобывающих компаний. После официальных тостов Золотарев с Ходорковским с бокалами в руках и в окружении небольшой свиты стали обходить столы в общем зале, что-то говорили «фуршетящимся», те им что-то отвечали, потом звучало «Ура!», и они двигались дальше. Играла живая музыка – фуршет обслуживал привезенный откуда-то камерный оркестр. В общем, настоящий светский раут. Когда мне захотелось плакать от счастья, Светланка меня тут же увезла домой. А фуршет, говорят, закончился далеко за полночь.

Начались будни. После того как в офсетной машине в очередной раз полетело что-то из электроники, мы окончательно отказались ремонтировать ее и стали печатать газету только на ризографе. И хотя газета была маленькая, но за счет уменьшения шрифта вмещала в себя практически тот же объем материалов, что и при формате А3. Своим небольшим творческим коллективом – я, ответственный секретарь Светлана Романовская (Валеева), выпускающая эвенкийской странички Диана Щапова, работавшая у нас по дого-

вору, заведующая отделом социальных проблем Валентина Львова, фотокор Владимир Грошев, собкоры в Тунгусско-Чунском районе Нина Крюкова, Байкитском – Татьяна Панова, – мы заполняли газету материалами так и такими, как сами считали нужным. Мы привыкли к тому, что при любом руководителе учредительной организации, содержащей газету (сама газета выжить в здешних условиях никогда не могла бы и не сможет: подписной тираж ее даже при пике населенности округа в 25 тысяч человек не превышал трех тысяч экземпляров, доход от которых составлял считанные проценты в доле расходов редакции) – будь это секретарь окружкома партии Владимир Увачин, а затем главы администрации Анатолий Якимов, Александр Боковиков, – нам позволяли работать на основе профессиональной самостоятельности.

Газета, конечно, была сугубо провинциальной, поднимала и обсуждала темы, которые для журналистов крупных газет могли показаться ничемными, смешными, но она такой и была нужна здесь – в «доску своя». При случае мы могли и «лягнуть» власть имущих, но только за дело и только при соблюдении определенного такта. В «Советской Эвенкии», а затем и «Эвенкийской жизни» были свои традиции, преемственность, сложившиеся за десятилетия, ее всегда делали крепкие журналисты, приезжающие сюда работать по договорам со всех уголков страны; у газеты был, есть и, надеюсь, останется хороший литературный язык.

Точно так же мы продолжили работу и при первых днях властвования Бориса Золотарева. И нам было о чем писать, появилось много новых тем. Свои выборные обязательства новоиспеченный губернатор тут же начал выполнять, что было и немудрено: у него под рукой была бездонная касса ЮКОСа, из которой он в любое время брал любую нужную ему сумму. И впервые за последние годы четко, без сучка и задоринки, был проведен северный завоз, и в зиму 2001–2002 годов округ вошел с избыточным запасом топлива, продовольствия. Вскоре Золотарев выкинул такой финт, что все СМИ края и страны просто захлебнулись от восторга: он две зимы подряд закупал на Ямале и перебрасывал по воздуху в Эвенкию сотни оленей для реанимации оленеводства (когда-то здешние стада насчитывали до 60 тысяч голов домашних оленей, к началу 90-х их было уже не более 30 тысяч, а к приходу Золотарева – в пределах двух-трех тысяч).

Он просто подсчитал, что если гнать оленей

своим ходом сотни и сотни километров, их за время пути погибнет и отобьется столько, что сумма ущерба, вместе с командировочными расходами пастухов, будет примерно одинаковой с затратами на воздушные перевозки. То есть – деньги те же, но в первом случае потрачены совершенно напрасно, а во втором – достигшие своей цели. Золотарев этим своим неординарным ходом пропиарил себя как прагматичный хозяйственник и как озабоченный возрождением традиционной северной отрасли руководитель автономного округа.

В Эвенкию также буквально посыпались компьютеры, и по обеспеченности ими на душу населения округ вышел на первое место в стране. Начало разворачиваться строительство, первым значимым объектом стал ввод к новому 2002 году «Гостиного дома» – современной гостиницы, построенной... турецкими рабочими. Золотарев просто не доверял нашим строителям и открыто говорил, что они ни на что не способны. Впрочем, такую нелестную характеристику в округе от губернатора получали многие. Борис Золотарев к месту и не к месту любил повторять, что мы, эвенкийцы, привыкли здесь бездельничать, «захламлять», то есть – жить за счет государства, что среди нас мало профессионалов.

Конечно, где-то он был и прав. Наши строители и в самом деле строили сикось-накось, оленеводы, вместо того чтобы разводить оленей, взяли да и съели их, коммунальщики производили самые дорогие в стране электроэнергию и тепло, столица округа была вся в помойках и следах былых пожаров. Когда Золотарева «заносило» по этой теме на каких-то совещаниях, сессиях Суглана в присутствии Боковикова, тот обижался и начинал возражать Золотареву... И его можно было понять: ведь беды эти во многом происходили по объективным причинам. Округ находился в таком неудобном и отдаленном месте с таким суровым климатом, что затраты на обеспечение жизнедеятельности его населенных пунктов составляли просто фантастические суммы, и потому бюджетнообеспеченность одного эвенкийца в десятки раз превышала затраты на содержание одного жителя средней полосы России.

В советские времена государство не скупилось и «севера» получали столько средств, сколько было нужно (впрочем, их и тогда все время не хватало). Но в рыночную эпоху страна уже была не в силах нести такие расходы. А без нужного финансирования, когда людям нечем платить за работу, какую работу от них можно требовать, ка-

ких специалистов можно пригласить с материка, когда разъезжались последние, какую современную технологию можно внедрить, когда разваливалось все, что осталось еще от советских времен? Если бы те же Якимов, Боковиков могли ворочать такими же деньжищами, какие вваливал ЮКОС в округ, они, может, еще и не то бы здесь понастроили, организовали... Но, как любил говорить покойный Александр Иванович Лебедь: «Если бы у бабушки была борода, она была бы дедушкой». Деньги пришли в округ с Золотаревым, и все это хорошо понимали и принимали.

А вместе с ними в округ пришли перемены и приметы, характерные для корпоративного стиля ЮКОСа. Это жесткость, граничащая с жестокостью, со стороны руководства, беспрекословность со стороны подчиненных, подозрительность во взаимоотношениях. Золотарев переломал в администрации все стены, оставив отдельные кабинеты только для своих заместителей, а сотрудников всех управлений усадил в огромные общие залы, заставленные столами с компьютерами.

Все сидели как в аквариуме, тут уже не поболтаешь лишний раз, не попьешь кофе с коньяком, не поторчишь с сигаретой на лестничной площадке – всех курильщиков Золотарев повыгонял сначала на крыльцо администрации, а потом и вообще на улицу, под пожарный щит.

Очень большое значение губернатор придавал обеспечению своего положительного имиджа – впереди ведь были очередные выборы. Практически с первых дней работы администрации он создал крепкую пресс-службу. Сначала в ней работали всего три человека: начальник управления Василий Бондаренко, немногим старше меня, и начальник отдела Алексей Немков, пресс-секретарь Ольга Мирошниченко, обоим не более тридцати, все – приезжие. Они писали славословные пресс-релизы, статьи о работе новой администрации во главе с Золотаревым, часто мне не нравившиеся, но менять что-либо в них я не имел права, и я помещал их в газете как есть.

«Хочу настоящую газету!»

Прошло еще какое-то время, и меня где-то в конце лета 2001 года вдруг приглашают к губернатору. У Золотарева в кабинете, кроме него самого, находились вице-губернатор Борис Байдаков и пресс-секретарь Ольга Мирошниченко. Для приличия расспросив, как идут дела в газете, губернатор вдруг резко поменял тон и сказал, что газета ему не нравится – маленькая, с мелким

шрифтом, не все ему нравится и в содержании. Золотарев говорил, что он понимает, что у газеты есть проблемы и с кадрами (где их взять посреди тайги?), и с полиграфической базой. А потому он как учредитель принимает решение усилить ее, переведя верстку и печать в Красноярск, для чего там создается дополнительное бюро с набором в него высокопрофессиональных журналистов. Мне же надо подготовить расчеты, во что это обойдется. Насчет кадров для Красноярского бюро беспокоиться не стоит – есть уже кандидатура на должность его шеф-редактора, это некий Владимир Пантелеев, он-то и подберет среди красноярских журналистов новых сотрудников для бюро. Ну а в Туре, соответственно, надо провести сокращение штатов на то количество сотрудников, какое будет содержаться в Красноярском бюро... А мне и возразить было нечего: газета у нас в самом деле была маленькой, верстка ее при этом была далека от совершенства, и уж точно профессиональных журналистов у меня в штате было – раз-два, и обчелся.

Пантелеев, оказавшийся сыном известного красноярского детского писателя Ивана Пантелеева, кандидатом исторических наук, имел достаточный опыт работы в региональных СМИ. Получив приказ о своем назначении, Пантелеев вернулся в Красноярск и развернул там кипучую деятельность – губернатор торопил нас с выходом газеты в новом виде.

К тому времени администрация округа открыла свое представительство в Красноярске, для чего в девятиэтажном здании на проспекте Революции, 51, где еще с советских времен размещались редакции основных краевых изданий, у ПИК «Офсет» был арендован целый этаж. Под бюро временно выделили один из кабинетов с телефоном и компьютером (везде шел евроремонт), где и обосновался Пантелеев. Вскоре он нашел верстальщика Владимира и корректора Елену – они до этого работали в какой-то... тюремной газете, и Елена приходила на вычитку нашей «Эвенкийки» в форме с лейтенантскими погонами. Я познакомился с членами своего Красноярского бюро в один из ноябрьских дней – специально ездил в командировку, чтобы посмотреть, что у нас там будет и как. Там же заключил договоры с названными сотрудниками, а также с ныне покойным известным эвенкийским писателем Немтушкиным (к тому времени Алитет Николаевич оказался без работы, а «чистая» литература в наши дни способна прокормить лишь единицы писателей), он взялся делать страницу на эвенкийском языке;

и одним из красноярских журналистов – Анатолием Мошницким, которого, впрочем, условия не устроили, и он так и не отработал в «Эвенкийской жизни» и дня. Позже в штат бюро был принят другой красноярский журналист – Евгений Кутаков, и тоже ненадолго.

Конец империи ЮКОС

Уже с конца 2002 года газета стала выходить на 16 страниц. Конечно, она стала интересней, насыщенной, потому как в заполнении ее участвовали как редакционные журналисты, ее нештатные авторы, так и сотрудники пресс-службы во главе с Майей Соколовой – они работали по вахтенному методу, и каждую неделю-две какой-либо из журналистов находился в командировке в округе и собирал материалы для дальнейшего использования как в нашей газете, так и в иных средствах массовой информации.

Я с благодарностью вспоминаю сотрудничество с Анастасией Попковой, Ириной Новиковой, Машей Браун, Натальей Герасименко, готовивших интересные, «читабельные» материалы.

Жить становилось чем дальше, тем интереснее. Особенно захватывающие события произошли в Эвенкии в 2004 году – у нас разразился такой скандал, что за развитием его стала следить вся страна. А все дело в том, что совершающий свой очередной вояж по Сибири глава империи ЮКОС Михаил Ходорковский (признан иноагентом в РФ) неожиданно был снят в Новосибирске с самолета и арестован Генеральной прокуратурой.

Как выяснилось, он должен был прилететь в Туру, а здесь, на сессии Законодательного собрания (Суглана), его уже ждало выдвижение на пост сенатора от Эвенкийского автономного округа – во всяком случае, мне известна именно такая версия событий. Говорили, что этот «зонтик» Михаилу Борисовичу был нужен в связи с тем, что он в последнее время развил очень бурную кипучую политическую деятельность и готовил себе почву и электорат для участия в будущих президентских выборах – ну вот мало человеку было того, чем он владел.

Эти-то амбиции и погубили нашего благодетеля (не свои же деньги Борис Золотарев инвестировал во все эти бурные преобразования, происходящие в Эвенкии) и чуть было – не всю верхушку нашего округа.

От вождя кресла Ходорковского (признан иноагентом в РФ) отделяли всего несколько

часов – сессия уже работала. Правда, при этом существовала одна очень небольшая, но крайне занозистая проблема: в этом кресле уже сидел сенатор от Эвенкии, бывший депутат Суглана Николай Анисимов.

То, как его пытались выковырнуть из Совета Федерации, чтобы освободить место для главы ЮКОСа, – целая история. Анисимова пытались подкупить, предлагая ему и денег, и непьющую работу, и запугивали его – во всяком случае, именно так он рассказывал на специально раздаваемых по этому поводу интервью многим СМИ. Но Анисимов уперся на своем – «не уйду, и все тут!». И тогда окружному парламенту ничего не оставалось делать, как отозвать своего представителя в Совете Федерации, вменив ему в вину профнепригодность. Анисимов опротестовал это решение в суде, но в конце концов проиграл его.

Между тем Ходорковский (признан иноагентом в РФ) оказался в Бутырке. И наша политическая верхушка, чтобы сохранить лицо, предложила занять место в сенате другому одиозному представителю ЮКОСа – Василию Шахновскому, тоже, кстати, находившемуся под следствием. Что страшно разозлило руководство страны (не скажу, что самого Путина, но администрацию президента – точно!). Потому что ЮКОС к тому времени уже начали буквально «перепаживать».

И выяснилось, что и налоги компания не выплачивала в миллиардных размерах, и убирала со своего пути, даже пользуясь услугами киллеров, неугодных людей. А тут какая-то Эвенкия пытается спрятать от уголовного преследования сначала Ходорковского (признан иноагентом в РФ), а затем Шахновского.

Шахновский, конечно же, не будь дурак, отказался от сенаторства, чем и обезопасил себя. А вот наших первых лиц стали таскать на допросы в прокуратуру по СФО в Новосибирск. Побывали там и губернатор Борис Золотарев, и председатель Законодательного собрания (Суглана) Анатолий Амосов, и некоторые другие должностные лица и депутаты.

Этот скандал буквально «взорвал» средства массовой информации страны. Какую газету ни откроешь, на какой новостной сайт ни заглянешь – везде красной строкой проходят Эвенкия, Ходорковский (признан иноагентом в РФ), Шахновский, Золотарев, Амосов, Анисимов...

Как всегда, много было и вранья. Запустили, например, утку, что наш губернатор, не дожидаясь, пока его отправят вслед за Ходорковс-

ким (признан иноагентом в РФ), поехал в Англию во время отпуска, да и остался там. Округ жил в эти дни затаив дыхание: чем же все это кончится. А завершилось все это тем, что просто «кончился» ЮКОС, а у округа, естественно, кончились его деньги.

Никого из нашего руководства не посадили и даже не сняли с должностей – к разочарованию одних и радости других. Но все мы понимали, что теперь Эвенкия и ее руководство всегда будут находиться под пристальным вниманием Центра как нашкодившие пацаны: ведь попытка поспособствовать укрывательству главных фигурантов ЮКОСа была, что выглядело как прямой вызов Кремлю.

Нетрудно было понять, что теперь с руководством округа, бывшим подотчетным, главным образом, избравшим его населению, Москве будет сладить не просто, а очень даже просто. Тем более что Эвенкия вернулась в обычное свое состояние, когда ей реально начало грозить безденежье. Доходная база бюджета снизилась «в разы» – она ведь подпитывалась преимущественно кредитными ресурсами и отчислениями из юкосовских структур.

Все, чего округ достиг при этих нескольких годах руководства Бориса Золотарева: сплошная компьютеризация, масштабное строительство и капитальный ремонт жилья и школ, клубов, библиотек, и пр., реконструкция объектов ЖКХ, асфальтирование улиц окружного центра, финансирование десятков социально-экономических программ, все это делалось на деньги ЮКОСа. Потому как предполагалось, что пришел он сюда надолго, если не навсегда. Ну а повернулось все вон как.

Очень многие эвенкийцы костерили на чем свет стоит Ходорковского (признан иноагентом в РФ): ну за каким чертом полез туда, куда его не просили? А теперь и сам на нарах баланду хлебает, и все радужные перспективные округа, связанные с ЮКОСом, рухнули в одночасье.

Вперед, обратно в край!

Тема возвращения блудной Эвенкии обратно в лоно Красноярского края поднималась еще при покойном губернаторе Александре Лебеде. Но встречала ожесточенное сопротивление как так называемой элиты округа, так и большинства эвенкийцев – уж очень всем по вкусу пришлось самостоятельное плавание.

Хотя иногда при этом корабль под именем

Эвенкия нередко оказывался на грани крушения: то топливо у него кончалось, то зарплату экипажу нечем было платить, а пассажиров приходилось сажать на голодный паек.

При Золотареве, за спиной которого был могучий ЮКОС, Эвенкия держалась все увереннее и увереннее. И когда вопрос воссоединения края с пустившимися в автономное плавание территориями вновь стал будироваться уже при другом губернаторе Красноярья – Александре Хлопони-не (кстати, считавшегося другом нашего губернатора), Борис Золотарев с присущей ему категоричностью раз за разом отметал все объединительные инициативы.

И в качестве одного из самых убедительных мотивов нецелесообразности объединения приводил финансовую самодостаточность Эвенкии. Дескать, мы и так проживем, зачем нам вливаться в край, который давно уже из региона-донора превратился в получателя дотаций. Причем дефицит бюджета края как раз составлял ту сумму, которая нужна Эвенкии для нормального существования.

Арифметика тут была простая: если мы вернемся в край, то окажемся в состоянии конца девяностых – начала двухтысячных годов, поскольку у края не хватит средств на содержание округа. Об этом писала регулярно и наша газета, и говорили во всех своих интервью различным СМИ Борис Золотарев, Анатолий Амосов и их соратники. Большинство людей верили им. Поскольку подкреплялись слова наших лидеров теми многими достижениями, которые были свершены за годы, особенно последние, самостоятельного существования Эвенкии.

Но у инициаторов и сторонников объединения были свои, не менее убедительные мотивы. Во-первых, в Эвенкии как нигде в другом регионе был раздут до чудовищных размеров чиновный аппарат. При населении округа менее 20 тысяч – бюрократов насчитывалось около 3 тысяч! Ну вот прямо бери этот аппарат и сажай на любую область с населением в несколько сот тысяч человек – как раз хватит.

Во-вторых, у этой инициативы был такой могущественный сторонник, как президент России Владимир Путин. Вернее даже будет сказать, это он, по сути, выступил «сбирателем» земель российских, которые в начале 90-х наделил суверенитетом его предшественник Борис Ельцин и которые в итоге стали просто-напросто выходить из-под влияния Кремля, а руководители регионов превращались в удельных князьков.

Наверное, немало насмешило сотрудников администрации президента обращение глав МСУ округа, направленное В.В. Путину весной 2004 года с просьбой не трогать Эвенкию и оставить им губернатора, к которому они привыкли «как дети».

Из Москвы на имя Бориса Золотарева спустя какое-то время пришел ответ на это обращение, в котором не без ехидства говорилось буквально следующее (текст его был напечатан в газете): «Поскольку обращение отправлено администрацией Эвенкийского автономного округа, а также учитывая, что главы МСУ пишут, что они «как дети привыкли к своему губернатору», просим вас организовать доведение содержания настоящего письма до сведения глав МСУ, подписавших обращение...»

И дальше сообщалось, что никто не собирается «уничтожать Эвенкию» и объединение с краем может произойти только при изъявлении желания самих эвенкийцев. А Золотарев и «его дети» пока такого желания не изъявляли.

Надо сказать, что наш губернатор везде и всюду последовательно отстаивал свою точку зрения, и когда Красноярский край посетил Владимир Путин с кучей министров, Борис Золотарев не побоялся озадачить в его присутствии министра финансов Леонида Кудрина жестким вопросом, смысл которого сводился к следующему: сможет ли Москва дать гарантии, что после объединения люди в Эвенкии, на Таймыре не станут жить хуже, чем сейчас.

Захваченный врасплох Кудрин промямлил что-то невразумительное, и тогда Путин вынужден был сказать, что, конечно же, объединение должно прежде всего иметь социально-экономическую целесообразность, что люди ни в коем случае не должны быть ни в чем обделены.

Эта сценка с совещания в Красноярске глав сибирских регионов была показана практически по всем телевизионным каналам, описана во многих газетах и электронных средствах массовой информации. Борис Золотарев был, что называется, «на коне», и на какое-то время возникло ощущение, что Эвенкию оставят в покое.

Как бы не так. Первыми в стране объединились Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, на очереди были мы, и стало понятно, что маховик процедуры сбирания земель раскручен и его уже никто не сможет остановить – реализовывалась государственная задача, мешать которой, мягко говоря, не рекомендовалось. В край, в округ зачастил полномочный

представитель президента Квашнин, Бориса Золотарева несколько раз приглашали в администрацию президента, велась соответствующая обработка и спикера окружного парламента Анатолия Амосова.

И, похоже, в Москве к нашим лидерам сумели подобрать соответствующие «ключики»: они вдруг резко, можно сказать, на все 180 градусов сменили свои позиции и с такой же силой, как раньше противились этому, стали ратовать за объединение.

Эти метаморфозы очень хорошо прослеживаются по заголовкам статей в нашей газете: до октября 2004 года – «Севера не готовы к объединению», «Единый край парадоксов», «Обделяй и властвуй», «Сохраним Эвенкию», «Зачем ухудшать нашу жизнь?» и в том же духе; и начиная с октября 2004 года: «Борис Золотарев: «Я возвращаюсь в Эвенкию с полным пониманием, зачем нужно объединение», «Я уверен: голос Эвенкии не потеряется», «Нас спасет единство», «Плюсов в объединении много» и так далее.

Главные, приводимые при убеждении эвенкийцев в необходимости объединения мотивы: округ после известных событий с ЮКОСом утратил свою финансовую самостоятельность и без посторонней поддержки не выживет. Наши неисчислимые природные богатства так и продолжали лежать нетронутыми под земной толщей: по-настоящему приступить к разработке и эксплуатации месторождений из-за огромной затратной составляющей пока не смогла ни одна компания, в том числе и ЮКОС. А значит, и мечта эвенкийцев жить не на дотации, а на собственные доходы так и оставалась мечтой. Москва же обещала выделять Красноярскому краю недостающие средства на дотирование Эвенкии и Таймыра в тех объемах, которые позволят им чувствовать себя в объединенном крае достаточно комфортно.

И на 17 апреля 2005 года был назначен референдум, на котором всем жителям Красноярского края, Эвенкии и Таймыра предстояло ответить на вопрос, хотят ли они объединения наших территорий.

К тому времени в рамках реализации закона о местном самоуправлении в Эвенкии были уже упразднены все три района – Илимбийский, Байкитский и Тунгусско-Чунский. Эвенкийский автономный округ стал муниципальным районом, который возглавил руководитель Байкитского жилищно-коммунального предприятия, депутат окружного Суглана Ярослав Малаший. Он стал главой администрации, а главой района – председа-

телем районного Совета депутатов был избран бывший глава поселка Тура Петр Суворов. При этом параллельно продолжали функционировать администрация округа и Суглан – их оставляли до конца 2006 г.

Борис Золотарев и члены его команды развернули кипучую деятельность по разъяснению населению Эвенкии необходимости принятия участия в референдуме и правильному голосованию на нем по вопросу объединения.

Губернатор облетал все поселки до одного, общался практически со всеми коллективами. Побывал он и у нас в редакции. Но нас убеждать в необходимости объединения и не требовалось: газета регулярно печатала материалы в пользу объединения, и мы давно уже поняли, что хотим мы того или не хотим, но объединение в любом случае состоится. Референдум прошел на «ура», жители всех трех территорий сказали «да» объединению, и особенно громко это «да» прозвучало в Эвенкии, где и явка избирателей, и процент положительно проголосовавших были самыми высокими.

Это означало и конец 13-летнему существованию Эвенкии в качестве самостоятельного субъекта Федерации, и завершение шестилетней бурной эпохи, если можно так сказать, Бориса Золотарева. И надо признать, что как губернатор он оставил в истории Эвенкии яркий, заметный след.

Связанные с ним скандалы, какие-то неприят-

ные истории (а их в «эвенкийской» части биографии Золотарева тоже достаточно) рано или поздно уйдут в небытие, а вот все хорошее, полезное, материально осязаемое, все, что служит эвенкийцам сейчас и еще будет служить долго – новые благоустроенные дома, школы, современные средства связи, асфальтированные улицы, православный храм «с иголки» – все это связано с именем второго и последнего губернатора Эвенкии Бориса Золотарева и всегда будет напоминать о нем...

□

Марат ВАЛЕЕВ

родился в 1951 г. в г. Краснотурьинске Свердловской области.

С 1972 года в профессиональной журналистике.

Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперед» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар).

Окончил факультет журналистики КазГУ (Алма-Ата).

С 1989 г. в газете «Советская Эвенкия» на севере Красноярского края, был корреспондентом, заведующим отделом, заместителем редактора.

С 1998 по 2011 год – главный редактор этой газеты, но уже под другим названием – «Эвенкийская жизнь».

Автор многих литературных сборников.

Член Союза российских писателей.

Лауреат и дипломант международных, российских и региональных творческих конкурсов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

